

Как живой с ЖИВЫМИ...

ВНАВСЕГДА :помнимся многим зрителям моего поколения теперь уже далекий вечер премьеры пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем» в Театре имени Вахтангова. С взволнованным нетерпением ждал тогда зрительный зал первого выхода Бориса Щукина — замечательного советского актера, с именем которого навсегда связан в истории нашего театрального искусства подвиг Глубокого и бесстрашного воплощения ленинского образа. И когда возник под сводами смоленского коридора человек, каждое движение которого хорошо знакомо миллионам людей, казалось, что совершается неповторимое чудо. В самом деле, многие думали, что столь полное сходство может быть достигнуто только однажды и едва ли многим актерам доступно повторить то, что совершил Щукин.

Но сама жизнь давно уже показала — подобные опасения были несостоятельны. После Щукина и одновременно с ним образ нашего бессмертного учителя был воплощен на сценических подмостках актерами нескольких поколений — от Амвросия Бучмы и Александра Крамова, Максима Штрауха и Константина Скоробогатова до Бориса Смирнова и Владимира Честикова. Сценическое воплощение образа Владимира Ильича Ленина стало мерой идейно-творческой зрелости и реалистического мастерства советских актеров, одним из самых ярких свидетельств глубины и силы содвигательского искусства.

БОЛЬШУЮ радость принесло новое обращение к ленинскому образу, свидетелями которого стали недавно ленинградские зрители. Речь идет об интересной и творчески значительной работе Ленинградского областного драматического театра, осуществившего постановку пьесы Н. Погодина «Третья патетическая» (режиссер заслуженный деятель искусства Г. Гуревич, художник И. Сегаль). Театр нашел очень верную мажорную тональность, сумел придать действию хроникально-построенной пьесы Погодина внутреннюю цельность и живое оптимистическое звучание. Но самым ярким и самым важным достижением этого спектакля должно быть признано исполнение заслуженным артистом республикан В. Красновым роли Владимира Ильича Ленина. Без риска впасть в преувеличение можно сказать, что работа Краснова относится к числу значительных до-

стижений актерского искусства и с полным основанием может быть поставлена в один ряд с работами выдающихся мастеров советской сцены. Глубокой и светлой человечностью и ярким созданным актером образ, строгими и правдивыми внутренними линиями охватывает каждое слово и каждое движение и кажется, что рождается эти движения и слова тут же, на сцене, а не predetermined текстом пьесы и указаниями режиссера. Такое ощущение может быть вызвано только подлинным созданием искусства.

Образ лицевой всякой заданности и скованности преднамеренности — он свободно и естественно развивается на протяжении всего сценического действия. Я предстаю зрителем во весь размер, и в высоту свою и в глубину. Напряженность и сосредоточенное раздумье сочетаются все время добрым и непосредственным смехом, суровой отрешенностью сменяется выражением теплого дружеского внимания. Нигде не отступая от требований портретной точности, Краснов не боится живых и даже резких движений, озорных всплесков смеха, ласковой интимности тона в разговорах с друзьями и суровой сдержанности интонаций в случаях, когда речь идет о врагах революции. Актер создал характер многогранный, в высшей степени индивидуальный и во многом неожиданный. Тем более важно отметить, что образ Ленина в воплощении Краснова — от начала до конца образ вождя, мыслителя, борца.

Есть в «Третьей патетической» сцене, чрезвычайно важная для правильного понимания всего авторского замысла. В Горки к Ленину приезжает врач Ирина Сестрорецкая просить за своего младшего брата, изобличенного, во взяточничестве. Владимир Ильич вынужден отказать Сестрорецкой и ее просьбе и делает это с человеческой болью, подчеркивающей силу и непоколебимость его принципиальности. «...Я прошу понять меня как государственного деятеля, который не может и не умеет быть отсутствующим в таких делах. Не может, не должен. Нельзя, немыслимо. Прошу понять меня». Краснов играет

эту сцену, осязимо передавая душевную боль, испытываемую Ильичем, произносит приведенные слова тоном продолжающегося, неизменного раздумья, раздумья, которое шире вызвавшего его повода, сложные обстоятельства, с которыми оно непосредственно связано. Актеру удается показать самое важное: человек — во всеобъемлющем, самом реальном и великом значении этого слова, — Ленин никогда, ни на одну минуту не перестает быть вождем и строителем жизни. Для него не могло быть малых вопросов, которые не были бы связаны с большими, второстепенных решений, не влияющих на решения первостепенные. Ленин был неделим, всегда оставался Лениным, человеком, чье имя которого добрым и светлым обязательным нарочито звучит в судьбу каждого.

Сестрорецкой, Владимир Ильич размышляет вслух о значении слова «Ленин», к которому ему никогда не приходилось прислушиваться. «Наверное я помню, что это слово должно производить какое-то «серебряное» впечатление», — говорит он, и Краснов заставляет верить в это удивление и помогает почувствовать за ним всю меру исторической ответственности, принятой на себя великим вождем. Есть вещи, которые очень опасны в театре, — сцены, положения и слова, в которых особенно легко сфальшивить, потерять чувство меры, переступить границы исторической правды. Монолог Ленина в «Третьей патетической» потребовал от актера большого такта, художественной тонкости и, следовательно бы скандала, деликатности, без которых он непременно прозвучал бы неестественно.

НОВЫЙ спектакль — серьезный вклад в дело сценического увековечения образа Владимира Ильича Ленина. Вклад этот еще раз показывает, что неисчерпаема ленинская тема в советском искусстве, что все более мужает наше актерское мастерство в ее воплощении.

С. ЦИМБАЛ

На снимке: сцена из спектакля. В роли В. И. Ленина — заслуженный артист РСФСР В. Краснов. Фото П. Федотова (ЛенТАСС)

Воскресный Ленинград 19. IV. 60.